

СВИДЕТЕЛЬНИЦА РОЖДЕНИЯ УСТЬ-ХАЙРЮЗОВА

Любой мальчишка из Вечного города скажет вам, что основателями и первыми строителями Рима были братья Ромул и Ремул, которых вскормила своим молоком волчица. А вот кто был первым строителем Усть-Хайрюзова, сейчас по имени назвать трудно. Одно лишь известно достоверно: кормилицей первых строителей была Татьяна Ивановна Миронова — одна из старейших жительниц района. Достаточно символический факт, не правда ли?

В далеком 1917 году в селе Тигиль родилась девчушка, нареченная Татьяной, которую теперь давно уже величают Татьяной Ивановной Мироновой. Татьяна Ивановна — старейшая жительница нашего села Усть-Хайрюзова. Вроде бы кажется, сколько воды утекло за ее без малого восемьдесят лет, а она многое помнит из своей жизни. Обо всем прошедшем за эти годы, конечно, не расскажешь — получится целая летопись, но то, что я узнала за два часа нашей беседы с Татьяной Ивановной, передаю читателям нашей газеты.

— Мои бабушка с дедушкой — сибирские казаки, — начала свой рассказ Татьяна Ивановна, — которые в начале века всей своей многочисленной семьей переселились на Камчатку, а конкретней — в Тигиль.

Маму я свою помню плохо, так как она была служанкой в поповской семье и переезжала с ними с места на место, а меня на воспитание взяла к себе бабушка и когда мне исполнилось полгода, мы переехали в Верхнее Хайрюзово. Кстати, моя бабушка, Праксovia Васильевна Шемаева, прожила аж 112 лет и похоронена там же, в Верхнем. В двадцатых годах было много долгожителей, проживших более 100 лет. А ели-то сухую рыбу, травки, коренья да ягоды, изредка мясо у коряков брали. Ну, соли тогда почти не было, а без соли все такое противное, невкусное. Но мы и не знали, что может быть что-то вкусней чем то, что приходилось есть. Бывало, тошнит, а мы едим да еще и нахваливаем.

Круп, мунги тоже не было. Сажали немного картошки, но семян было мало — берегли. С осени поешь и все... Опять юкола да травки. Да, знали тогда, какие травки надо есть: какие лечебные из них, а какие, чтоб наесться. Оттого может и не сильно болели. В общем-то жили бедно, все одинаково бедно.

В Хайрюзово было тогда две-три русских семьи, остальные все ительмены. Коряки же все своими семьями кочевали, русского языка почти никто из них не знал. В двадцатых годах в Хайрюзово насчитывалось всего 20—25 семей, домишки были небольшие, зато какая была шикарная церковь — с колоколами да с куполами. Мы все ходили в нее, молились, крестились, верили в лучшую жизнь. Кто строил эту церковь и когда она появилась, я не знаю. Только в 1922 году, когда советская власть пришла в село, церкви не стало. Запрятали колокола, снимали кресты, приехал учитель с Украины и на месте церкви открыли школу-четырёхлетку.

В школу приезжали учиться дети из Коврана, Морошки, Собочного — всем находилось место. Кто жил у родни, кто у чужих людей, но главное — все учились! Дальше уезжали в Тигиль и до восьмого класса там продолжали учебу, жили в интернате.

Уже при советской власти построили в Хайрюзово пекарню, скотные дворы, чухатники (слово «свинарник» Татьяна Ивановна не признает до сих пор), баню общественную. До этого лишь у некоторых были свои маленькие баньки, которые топились по-черному.

— И тогда мы зажили по-

настоящему, — продолжает моя собеседница. — Приехавшие строители валили лес, строили все самое нужное, начали приходить пароходы и открылись первые магазины в наших селах, лавочки. Мы все стали понемногу пробовать — до сих пор помню вкус первого попробованного мною сливочного масла: страшно, непривычно, а попробовать хочется. А потом до чего ж

но зарабатывали, правда, они хорошо.

А в самом Усть-Хайрюзово тогда была лишь только погранзастанва, да построили общежитие, столовую. И мы по собственному желанию приезжали сюда на все лето на обработку рыбы: солили ее, делали икру. А до этого ничего не умели делать из рыбы кроме юколы. Кстати, научил тогда всех делать икру один пограничник, Неряхин его фамилия. Из него вышел прекрасный мастер рыбообработки, причем, он до всего сам доходил.

Бондарь приехал тоже с материка и у нас стало много бочек и мы заготавливали мно-

жить, клуб построили, концерты ставили в нем, танцы проводили часто, я и сама полюбила в сценках участвовать. Приехало в село много учителей — они это нам все и устраивали и помогали нам по-новому привыкать жить.

Школа уже тогда стала шестилеткой, вечернее отделение появилось. Тогда очень хороший председатель колхоза у нас был — Петр Краснов — заботливый, грамотный. Все мы его любили и он дело свое хорошо знал.

Во время путины мы опять на все лето уезжали в Усть-Хайрюзово. Я и мои подруги работали в столовой, кормили сезонных рабочих, коров дои-

по 200 граммов, продуктов тоже стало меньше. Все мужчины ловили рыбу, все было для фронта, все для победы. Мужчин, правда, на войну не забирали, так как стране требовалось много рыбы. Общежития были переполнены, люди жили даже в палатках и у нас работы тоже добавилось: нужно было всех накормить, напоить, обстирать.

После войны стали строить поселок, наш комбинат стал тоже расти. Сейчас село просто не узнать!

Что же касается личной жизни Татьяны Ивановны, то в 21 год вышла она замуж за начальника отделения связи А. А. Миронова и в 1939 году приехали они в Усть-Хайрюзово, где купили маленький домик, так и жили здесь с той поры. Семерых детей наролили они, только вот четверых из них нет на свете, но трое здесь, в Усть-Хайрюзово. У них своя жизнь, свои дети. И мать они не забывают, помогают, ухаживают за ней.

— У меня еще живы две сестры, — продолжает Татьяна Ивановна, — одна в Тигиле живет, другая здесь. Здоровье вроде бы ничего, только вот давление высокое, уже не побегаешь, как раньше, все больше сижу дома потихоньку да радио слушаю, телевизор иногда включаю. А раньше, бывало, что дома и не усидишь — то в лес, то на реку ходили. Люблю природу, очень люблю свой край — что Тигиль, что Хайрюзово, что Усть-Хайрюзово. На материке всего один раз была, лет 20—25 назад, в Хабаровске. Целую весну там прожила. Ничего, понравилось, но дома все же лучше.

Три года назад мужа похоронила, за свою жизнь нарабаталась и на рыбе, и поварила, и истопником долго была, так что теперь пора и отдохнуть. Старуха я невредная, со снохой дружу, ничего не говорю лишнего, никого не ругаю, ничего не заставляю делать и ничего не требую — живу потихоньку, доживаю свой век.

Хорошо, что вот церковь у

понравилось!.. А сахар, конфеты, растительное масло! А то этот лахтатый жир, казалось, все кишки проел.

А как мы всегда ждали с нетерпением первый пароход со всем необходимым, а какие были праздники! — это Ленин нам в нашу глухомань такое счастье дал, такую жизнь сделал — одел, обул, накормил. Я так считаю.

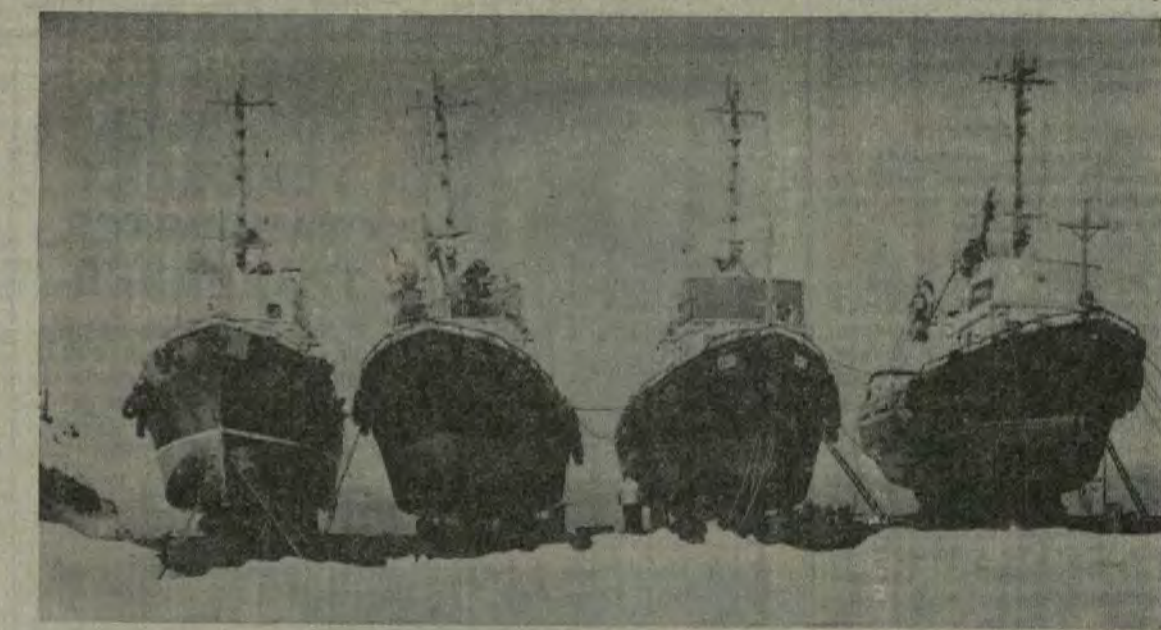
Уже при советской власти раскулачили у нас своих появившихся богатых, которые со всех остальных брали пушнину, вроде как налог им такой платили, а они сами уже сдавали американцам и имели от этого свою выгоду.

Все жители стали работать в колхозе, раскорчевали много земли, обрабатывали ее плугами на лошадях. Огороды при домах стали больше, на них выращивать стали картофель, капусту, репу, морковь. Ительмены тогда были старательными, смиренными, водку не пили. Может потому, что ее тогда еще не завозили? А курильщики курили лист кипрея, а он для здоровья не такой вредный.

Как тогда все работали! Я сама по четыре нормы выполняла, а мне было шестнадцать лет. Да, молодежь тогда была трудолюбивая, сознательная. Бригадир с трех часов ночи был уже на ногах, будил всех вовремя, чтобы не дай Бог кто не проспал на работу. И убоженная земля вскоре нам ответила хорошими урожаями.

Да, ительмены сейчас другие — совсем не те, что раньше. И пьют, и матерятся, и курят, и могут ходить чумазы и неряшливые.

В 30-х годах появилась база на острове Питчьем. Стали тогда же привозить первых сезонников на обработку краба. Работы было много, даже на берег люди не сходили. И с каждым годом рабочих становилось все больше и больше,

то икры и рыбы и все это отправляли. Делали и себе, для своих нужд, ведь мы раньше ее не ели такую, а все больше сушеную рыбу, сухую икру.

А как рыба кишела в реках в то время — страшно вспомнить, до того ее много было. Можно было руками спокойно брать. Сейчас, можно сказать, по сравнению с теми временами, ее и нет. А тогда на берегу никто никогда рыбу не обрабатывал, чтобы речку не дай Бог не засорить, относили далеко в балаганы и там резали, сушили.

А в устьях наших рек и речушек уже в то время ловили рыбу японцы и на кунгасах вывозили улов на свои большие пароходы.

Позже стали выращивать много свиней, увеличилось стадо коров, нам мясо стали давать. У нас у самих до колхозизации было две коровы, но молока они давали совсем мало и было оно какое-то пустое, невкусное, нежирное совсем, как вода.

В колхозе стало весело

ли, убирали, а когда было надо, то и рыбу обрабатывали. Ну а вечером всегда танцуютки были — весело, ведь все больше молодежь там была.

Осенью приходили пароходы и увозили весь наш улов. А взамен они привозили продукты, одежду, разные товары. Уже в тридцатых годах многие сезонные рабочие стали оставаться здесь, начали строить для них бараки. Так постепенно и начало строиться наше Усть-Хайрюзово.

А сколько тогда под ногами было ягод, грибов! В колхозе к осени вдоль берега несметное число стогов сена выросло, аж до самой Японки (речка такая). Тогда многие держали скотину, да и на заставе, помню, было большое дойное стадо. Была у них большая казарма для пограничников и барак, где жили командиры с семьями. Вскоре в колхозе появился и маленький аэропорт и у нас стали приземляться самолеты.

Ну а в войну всем жилось плохо. Хлеба давали мало —

нас сейчас есть. Благодаря Бога, что наш батюшка ко мне уже два раза приходил домой да два раза в больницу. Хороший у нас батюшка Василий, повезло нам. После его прихода всегда легче становилось. Надо, чтобы люди верили в Господа, молились.

Ну все, хватит про меня писать, а то люди читать устанут. Да и к тому же может это и неинтересно...

— Нет, Татьяна Ивановна, — очень интересно! У Вас такая долгая и интересная жизнь. Вы так все хорошо рассказали. Спасибо Вам за все и с юбилеем района Вас, одна из старейших жительниц Тигильского района и свидетельница рождения нашего Усть-Хайрюзова!

Н. ТИМОШИНА.

На снимках: рыболовные сети в Усть-Хайрюзово долгое время изготавливались вручную; современный флот, сменявший старые кунгасы.

Фото из архива «Панорамы».